

тельствуют о сознательной работе Довлатова над проблемой преобразования всего корпуса прозаических произведений в сверткостное единство, что было характерно для творчества А.П. Чехова, а также для отразившего влияние разностилевых тенденций рубежа XIX–XX вв. творчества А. Грина, а в поэзии – для А. Блока, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака.

Текст повести «Чемодан» впоследствии становится источником интертекстуальной «иррадиации» (Н. Фатеева) для мемуарной прозы Е. Рейна, который строит свои воспоминания «Мне скучно без Довлатова» (1997) с помощью аллюзий на довлатовские произведения. Так, названия глав, повествующих о различных нелепых случаях из жизни Рейна и его друзей: «Шапка из поседевшего волчонка», «Розовая мужская замшевая сумка», «Два итальянских галстука», – ассоциируются с названиями глав довлатовской повести.

Таким образом, интертекстуальные связи повести «Чемодан» способствуют введению довлатовского текста в широкий культурно-литературный процесс.

Примечания

- 1 См.: *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 1996.; *Вейсман И.* К вопросу об интертекстуальности в прозе С. Довлатова // Филологические этюды. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 63–64; *Доброзракова Г.* Мифы Довлатова и мифы о Довлатове. Самара, 2008.
- 2 См.: *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 867.
- 3 *Довлатов С.* Чемодан // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2004. Т. 3. С. 290.
- 4 *Шевченко Е.* «Театрализованный реализм» С. Довлатова // Литература и театр: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Финка. Самара, 2006. С. 269.
- 5 *Довлатов С.* Чемодан. С. 289.
- 6 *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. С. 194.
- 7 Там же. С. 319.
- 8 *Довлатов С.* Речь без повода... или Колонки редактора. М., 2006. С. 355.
- 9 Там же. С. 108–109.
- 10 *Довлатов С.* На анкету «ИЛ» отвечают писатели русского зарубежья // *Иностр. лит.* 1989. № 3. С. 246.
- 11 *Бродский И.* Большая книга интервью. М., 2000. С. 447.
- 12 Там же. С. 456.
- 13 *Довлатов С.* Блеск и нищета русской литературы // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 361.
- 14 *Манн Ю.* Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007. С. 102.
- 15 *Набоков В.* Николай Гоголь // *Набоков В.* Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинев, 1989. С. 584.
- 16 *Боева Г.* Проявление авторской позиции в изображении города, или «Ленинградский текст» Сергея Довлатова // *Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук.* СПб., 2003. С. 262.
- 17 *Сухих И.* Проблемы поэтики Чехова. СПб., 2007. С. 110.
- 18 *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. С. 203.
- 19 *Шевченко Е.* Указ. соч. С. 270.
- 20 *Довлатов С.* Чемодан. С. 292–293.
- 21 *Довлатов С.* Филиал // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 76–78.

УДК 821.161.1.09+929 [Державин + Городницкий]

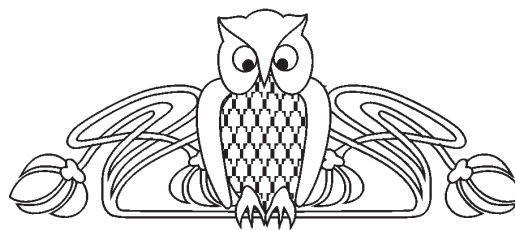
ДЕРЖАВИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭТИЧЕСКИХ И МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ А. ГОРОДНИЦКОГО

В.В. Биткинова

Саратовский государственный университет
E-mail: bitkinova@mail.ru

В статье рассматриваются образ Г.Р. Державина и реминисценции из державинских произведений в песнях, стихотворениях и книгах воспоминаний поэта-барда второй половины XX в. А. Городницкого: способы и функции их вовлечения, связь с актуальными проблемами современности и с образами авторов-современников.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, А. Городницкий, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, В. Соснора, А. Кушнер, Н.Я. Эйдельман, русская культура XVIII в., бардовская поэзия, песня, стихотворение, мемуары, реминисценции.

Derzhavin's Reminiscences in the Poetic and Memoir Texts of A. Gorodnitsky

V.V. Bitkinova

The article deals with the image of G.R. Derzhavin and the reminiscences from his works being researched in the songs, poems and books of recollections by the singer poet of the second half of the XXth century A. Gorodnitsky: the means and functions of their application, their relation to the pressing issues of today and to the images of the contemporary authors.

Key words: G.R. Derzhavin, A. Gorodnitsky, D. Samoilov, V. Slutskiy, V. Sosnora, A. Kushner, N.Ya. Eidelman, the XVIIIth century Russian culture, bard poetry, song, poem, memoirs, reminiscences.

Значительное место в поэтическом мире Александра Городницкого занимает историческая тема¹. И отличает творчество поэта-барда не просто рефлексия над отдельными историческими событиями и ролью тех или иных исторических деятелей, а наличие целостной историософской концепции.

«Дистанция» между автором и героем-историческим деятелем в стихах и песнях Городницкого может быть различной. Чаще всего автор легко представляет себя современником и даже собеседником людей пушкинско-декабристского времени, а «оснащенное столетие» для него – прошлое, следы которого сохраняются в музеях, архитектурных памятниках Петербурга, скульптурах и картинах, литературе и литературных «анекдотах» (в том значении, которое вкладывалось в это слово в XVIII–XIX вв.). Достаточно привести названия типа «Восковая персона», «Дом на Фонтанке», «Голицыно», «Петровская галерея», «Дворец Трезини» и др. или короткие цитаты: «На Фонтанке жил Державин / Двести лет тому назад»², «Вот доска вниманью граждан: / Много лет и много зим / В этом доме двухэтажном / Жил писатель Карамзин» (243). Важнейшей чертой «исторических» произведений Городницкого является их обращенность к современности, поэтому проблемы, с которыми приходится сталкиваться историческим персонажам, и выбор, который они делают, оцениваются не с точки зрения их эпохи, а с точки зрения времени автора. Старые дома, картины, книги врастают в его судьбу, зачастую связаны с важными событиями его собственной жизни или с близкими людьми. Лучшие комментарии к стихотворениям можно найти в книгах воспоминаний самого А. Городницкого³.

Основную задачу данной статьи мы видим не столько в том, чтобы дать реальный комментарий к текстам, сколько в том, чтобы понять, какие стороны культуры давнего прошлого оказываются актуальными для поэта-барда второй половины XX – начала XXI в. Поэтому в качестве контекста к анализу будут привлекаться и произведения тех людей, которые упомянуты (в связи с интересующей нас темой) в книгах воспоминаний А. Городницкого: одни – в большей мере как литературные наставники (Д. Самойлов, Б. Слуцкий), другие – как друзья (Н.Я. Эйдельман), третьи – как авторы своего поколения, связанные к тому же общим «поэтическим цехом» (В. Соснора, А. Кушнер, Я. Гордин).

Из писателей XVIII столетия в песенном и стихотворном творчестве Городницкого упоминаются А.Д. Кантемир, М.М. Херасков, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, но самая характерная для него фигура поэта позапрошлого столетия – Г.Р. Державин. Его образ или реминисценции из его стихов встречаются в таких произведениях, как «Дом на Фонтанке» (1971), «Новиков» (1973), «Матюшкин» (1977), «Старый Пушкин» (1978), «Гвардейский вальсок» (1980),

«Памяти Бориса Слуцкого» (1987), «Кратил» (1997), «Старый Питер» (1998) и др. Споры о личности Державина, его поэзии и государственной службе начались уже в ближайшем к нему поколении русских писателей, начиная с декабристов и Пушкина, и продолжались на протяжении всего XIX и XX вв. Оценки были самые противоположные, отражая нравственные искания и систему ценностей каждой эпохи⁴, но все были согласны в одном – в Державине воплотился «век Екатерины». Городницкий вписывается в эту важную для самоопределения русской литературы, эстетической и общественной мысли позднейших времен традицию рецепции Державина.

Способы и функции вовлечения державинских ассоциаций в произведениях Городницкого различны.

Так, в стихотворении «Постарел этот город у края гранитной плиты...» (1997) появляется «дым, что и сладок, и горек» (546), а в песне «Имена вокзалов» (1997) – «дым отечества, сладкий и горький» (557). В примечаниях Н.К. Пиксанова к «Горю от ума» дается история этого образа: «Не вполне точная цитата из стихотворения Г.Р. Державина “Арфа” (1798) <...> в свою очередь восходящая к “Одиссее” Гомера и к латинской поговорке “Et fumus patriae dulcis” <...> в широкое обращение этот образ вошел как цитата из “Горя от ума”»⁵. Ни один из указанных контекстов в произведениях Городницкого напрямую не актуализируется. Можно увидеть некоторую близость сюжетной ситуации и эмоционального состояния лирического героя с Чацким: возвращение на родину, с которым связывались надежды на «возвращение» к себе прежнему, и невозможность этого. Душевные перипетии грибоедовского героя: от «Когда ж постранствуешь, воротисься домой, / И дым Отечества нам сладок и приятен»⁶ до желания сразу «горе пить»⁷, узнав, кого любит Софья, и невозможности «дышать воздухом одним» с «толпой мучителей»⁸, – сжимаются у Городницкого в одну метафору – одновременно «сладкого и горького» «дыма отечества». Образ Одиссея – один из сквозных в творчестве барда, часто – alter ego лирического героя, а, например, в песне «Колыбельная на три такта» (2004) образ-символ Итаки напрямую связывается с Ленинградом: «Колыбельная на три такта / Возвращает меня назад, / На родную мою Итаку, / В мой покинутый Ленинград»⁹. У Державина рассматриваемый афоризм – финальный стих, который поэт предполагал еще и продублировать виньеткой («На жертвеннике дым вожженного фимиама проходит сквозь розовый венец, с надписью на пьедестале: Отечества и дым нам сладок и приятен»¹⁰). Грибоедов выделил эти слова курсивом, указывая на цитатный характер. Но в произведениях Городницкого менее всего могут возникнуть ассоциации как раз с текстом Державина, у которого, во-первых, воспоминания навевают арфа в руках «играющей хариты» (нет важнейшего для лириче-

ского сюжета и настроения текстов барда мотива одиночества), а во-вторых, счастье родной Казани связывается еще и с появлением в ней монарха («Павел в ней явился благодатен»¹¹).

Несомненно державинским является в произведениях Городничкого наименование Екатерины II, которая, в отличие от других российских монархов, почти всегда называется условно-литературным именем «Фелица» («Гвардейский вальсок», «Новиков»). Это имя, как известно, было придумано самой императрицей от слова «счастье» для героини «Сказки о царевиче Хлоре», но потом переадресовано ей же Державиным в целом ряде стихотворений («Фелица», «Изображение Фелицы», «Благодарность Фелице», «Видение Мурзы» и др.). Но примечательно, что, если поэта перифрастически – согласно литературно-издательскому этикету XVIII – начала XIX в. – именовали «Певцом Фелицы»¹², то за Екатериной закрепилось другое – «Российская Минерва»¹³. Поэтому имя «Фелица» у Городничкого, на наш взгляд, это не столько державинская реминисценция, сколько, во-первых, ироническая игра со стилем XVIII в., с барочной любовью к перифразам. А во-вторых – характеристика правления Екатерины, символ его маскарадности, государственного лицемерия: «Нарумяненные лица, / Благодарная страна, / Государыня Фелица / Милосердна и умна», – но при этом у той, которая призвана даровать или указать путь к счастью, «в споре / Главный довод – кандалы» («Новиков», 188). А мнение гвардейцев после дворцового переворота, возведшего через убийство Петра III Екатерину на престол: «От Фелицы, увы, / Мало нам перепало» («Гвардейский вальсок», 275).

Державин в стихотворениях Городничкого 1970-х гг. («Дом на Фонтанке», «Матюшкин», «Старый Пушкин») – весь в прошлом, его образ плотно окружен соответствующими реалиями. XVIII век у поэта-барда вообще несколько театрален: белила и румяна, парики, мундиры, ленты, ордена и другие знаки отличия, как на парадных портретах того времени. Это не просто воспроизведение бытовой культуры изображаемой эпохи, это, в других случаях, метафора политического курса, о чем уже шла речь, или способ оценки своих XX и «XXI тревожного века». XVIII век в сравнении с ними – почти игрушка: «Налево – парк старинный / Танцует менуэт. / Дворцы Екатерины, / Свидетели побед. / Век Марса и Венеры / Разряжен в пух и прах. / Дубы, как кавалеры, / В курчавых париках» («Царское село», 1973, 191).

Вполне в духе века портрет Державина. Это поэт-патриарх: «брови орлиные», «твердый воротник», он «мерцает звездой», может пригласить «за стол багряного сукна» молодого поэта. Упомянуты и другие детали ушедшей жизни, например гусиное перо. Дается целая зарисовка выезда: «Над высоким экипажем / Раздавался

крик: “Пади!” / Зыбко пенились плюмажи / Над конями впереди» (166).

Плотность вещественной бытовой обстановки – особенность поэтики самого Державина, одна из ее новаторских черт. Можно вспомнить ту же «Фелицу», представляющую в чувственных образах всю жизнь, весь спектр удовольствий, доступных вельможам-«мурзам» (даже в виньетках, сделанных по заказу самого поэта, отражается эта двойственность ценностей: заставка – аллегорическая картина, на которой женская фигура указывает мальчику путь к сияющему храму в античном стиле с надписью «Безсмертие», что соответствует философской и гражданственной сюжетной линии Фелицы, а концовка – изображение катания на санях, отсылающее к сатирическо-бытовой линии мурзы¹⁴). Поэтому, думается, «уплотнение» вещественного ряда вокруг образа Державина выступает и как своеобразный элемент стилизации.

Вещественный державинский поэтический мир, как и державинские интонации, оказались востребованы поэзией и начала, и второй половины XX в. Друг А. Городничкого, очень ценимый им поэт (хотя и оппонент по вопросу о ценности авторской песни как искусства) А. Кушнер в «Заметках на полях», в частности, пишет: «Державин захватывает еще потому, что в его стихах для нас проступают темы, мотивы, интонационный рисунок русских поэтов двух последующих веков», – и дальше отмечает «роскошные державинские подробности» – «временные, злободневные, на фоне грандиозных, вечных тем, разговора с Богом и мирозданием!»¹⁵. Чтобы в полной мере оценить эту характеристику, нужно добавить, что «подробность», отражающая «влюбленное и благодарное» отношение поэта к миру, – среди главных для Кушнера ценностей поэзии: от жеста втыкающей в последний раз иглу в вышиваемый покров Февронии из повести XVI в.¹⁶ до ахматовских перчатки и «остро пахнущих морем» устриц, поэзии Манделштама и раннего Пастернака.

Для создания образа поэта XVIII столетия в «Доме на Фонтанке» Городничкий использует и элементы языковой стилизации. Самый заметный – архаичные лексика и грамматические формы: «домы», «тени длинные». Рифмуемые с ними «брови орлиные» тоже приобретают оттенок сравнения, призванного прославить героя (такие сравнения и перифразы, использующие образы животного мира, характерны для литературы барокко и часто использовались Державиным – орел для обозначения Орловых и др.). Рифма «тени длинные» – «бровей орлиных» не просто содержит стилизацию, она похожа на «державинскую»: образуют ее имена прилагательные, в том числе краткое; одно из рифмующихся слов содержит двойное, а другое – одиночное «н»; используется усечение. В «Книге о русской рифме» Д. Самойлова читаем: «Женская рифма Державина по лексике старомодна. В ней старинный, важный распев двоянных Н», – далее приводятся примеры «со

знаменитым державинским Н, с медным звоном торжественных строк»¹⁷. Правда, Д. Самойлова особенно интересуют замещения согласных «при поддержке звучного Н»¹⁸, но приводятся и примеры рифмовки с одной / двумя «н». Однако для Державина, как и в целом для поэзии XVIII в., характерно усечение «й», а не «х» («длинные» – «орлиный»)¹⁹. Поэтому рифма Городницкого не точно копирует державинскую, а дает необходимый звуковой облик-напоминание, к тому же поддержанный эпитетом с двойным «н» в середине стиха, находящегося между рифмующимися: «Здесь ложились тени *длинные*, / Шли *туманные* ветра / От бровей его *орлиных*» (165).

Отношение к Державину в стихотворениях 1970-х гг. несколько отстраненно-ироничное. Думается, что главная причина этого – в неприемлемом для системы ценностей авторской песни согласии поэта с государством. Даже фамилия его оказывается значимой: в стихотворении «Матюшкин» она образует рифму со словом «держава» («Не дал он (не его вина) / Законов мудрых для державы, / За стол багряного сукна / Не приглашал его Державин» (245)); «державой» именуется страна и в «Доме на Фонтанке», и в «Старом Пушкине». Поэзия и государственная служба Державина направлены на прославление государства, и за это он оценен и обласкан властями – «мерцает звездой». Городницкий иронически обыгрывает это согласие поэта с властью в строфе «Не звала чуму на дома / Од высокая хвала, / И поэта на приемы / Государыня звала» (166) с помощью повторения-противопоставления в начале и конце строфы слов «не звала» – «звала», употребленных сначала в поэтически высоком смысле (первые два стиха выдержаны в «высоком штиле», с соответствующей лексикой, содержат реминисценцию из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»), а в конце – в бытовом. Прием сопоставления-противопоставления, создающий оттенок иронии, используется и в портрете героя через антитезы антонимов и однокоренных слов: «Молодой державы гордость, / Отрывался он от книг, / Шеи *старческой нетвердость* / Прятал в *твердый* воротник» (166), – а также через напоминающее барочный гротеск соседство «орлиных бровей» и «гусяного пера», от которых ложатся «тени длинные». Такая важность, с точки зрения последующих веков, несколько комична. Здесь опять находим стилизацию, основанную не на точном копировании традиции, достаточно жестко закрепляющей «животные» эпитеты за определенными явлениями действительности (у самого Державина, например: «Как их брови соболины, / Полный искр соколий взгляд, / Их усмешка – души львины / И орлов сердца разят»²⁰), а на напоминании, ироничной игре с традицией: «орлиными» все-таки полагается быть «очам». Для сравнения: В. Соснора в исторической фантазии «Державин до Державина» (1968), поэтика которой, в соответствии с задачей ломки стереотипов,

строится не на стилизации, а на отрицании привычной образности, называет брови Державина «клоуновскими» и делает этот образ лейтмотивом²¹.

Образ Державина для последующих поколений поэтов, начиная с декабристско-пушкинского (можно назвать хотя бы думу К.Ф. Рылеева «Державин»), входит в контекст размышлений о взаимоотношениях Писателя и Власти. Спектр интерпретаций и оценок широк до противоположности, в зависимости от того, какие произведения и факты биографии «героя» выбираются, но показательно само стремление русской литературы XIX и XX вв. хоть как-то «согласовать» в образе одного человека ревностную государственную службу и высокое поэтическое служение. В. Соснора в «Державин до Державина», опираясь на автобиографические «Записки...»²², делает эту двойственность основой трагичности образа поэта в его времени и предметом «полемики» с ним и, одновременно, защиты его в своем: «Где мера иронии? // Где мера сострадания? <...> // Не звезда, осмеянный всеми поколениями русских поэтов, бездарный деятель самодержавной системы, ненавидимый всеми поколениями русских администраторов, мракобес, цитируемый с сарказмом всеми поколениями русских историков, пугало монархии, мишень для самовлюбленной демократии, кумир Рылеева и Цветаевой, вождь и защитник всех оскорбленных самодержавием, страстный слуга трех императоров, трагик с высоко нарисованными бровями клоуна, деспот правды. Вопрос в пустыне – для кого администрировал, кому диктовал в “Записках” обличительные документы на самого себя? // Он думал, что он – жертва произвола. А произвол – был его жертвой. // Он думал, что он – подсудимый, а он был – судья современности»²³.

Лирический сюжет всех стихотворений Городницкого включает несколько временных слоев. Основное время автора (и читателя, потому что автор выражает «наши» представления) – XX век. В «Матюшкине» взгляд потомков воссоздается через образ музея, который формирует наше представление об ушедшем: «Зеленый бронзовый секстан / Пылится в комнатах Лицея» (245). И такое представление иерархически выстраивает исторические лица по их «ценности» для нового времени («он известен нам / Лишь как лицейский друг поэта» (245)). В «Старом Пушкине» – тоже взгляд позднейших поколений, знающих, сопоставляющих и предполагающих возможное развитие при других обстоятельствах судеб известных людей («возможно, состарившись, стал бы таким, как...», «возможно, писал бы...», «мы вспоминаем...», «представить не можем...»).

Но в этих двух стихотворениях образ Державина является эпизодическим, поэтому детально анализировать временную структуру их сюжета мы не будем, а вот «Дом на Фонтанке» рассмотрим подробнее. Дистанция между автором и героем задана в первой же строфе: «На Фонтанке жил

Державин / Двести лет тому назад» (165). Однако, если обратиться к биографическому контексту, то обнаружится, что в пространстве реального «дома Державина» прошлое встречается с самым для автора современным и актуальным. Стихотворение «Дом на Фонтанке» впервые было опубликовано в сборнике «Новая Голландия»²⁴ и посвящено Н. Чечулиной, а в комментариях к нему читаем: «Чечулина Нина Александровна, редактор Лениздата, редактировавшая книгу “Новая Голландия”, живет в доме № 118 (арх. Н.А. Львов) по набережной р. Фонтанки, ранее принадлежавшем рус. поэту Гавриле Романовичу Державину»²⁵. Композиционное кольцо с посвящением редактору образует последняя строфа: «Но среди чужих изданий, / Не предвидящих конец, / Меж дворцов других и зданий / Все стоит его дворец» (166). «Дворец» державинской поэзии оказывается частью истории литературы вплоть до современности.

С образом Державина в творчестве писателей второй половины XX в. связан и мотив «необъяснимого» и упорного сопротивления поэзии устареванию и забвению, предсказанным старому поэту уже следующим за ним литературным поколением (часто цитируется письмо Пушкина к Дельвигу 1825 г.: «У Державина должно сохранит будет од восемь, а прочее сжечь»²⁶). Этот мотив присутствует в таких разных произведениях, как исторические фантазии В. Сосноры, процитированные выше «Заметки на полях» А. Кушнера, «Книга о русской рифме» Д. Самойлова (он видит сходство державинских рифм с рифмами Асеева, Пастернака, Антокольского и др. – «Да мало ли у Державина превосходных рифм, которым может позавидовать любой современный поэт»²⁷). Можно вспомнить еще стихотворение «Державин» Б. Окуджавы (1979): «Оды державинской мода / снова в цене поднялась <...> Видишь, как зреет в потомках / имя твое, Гавриил? <...> Вот ведь и книжные черви / справиться с ним не смогли»²⁸. Мотив сопротивления забвению, безусловно, есть и в «Доме на Фонтанке» Городницкого: «все стоит» снимает первоначальное «жил <...> двести лет тому назад».

В определенных точках сюжета происходит переход во время героя. Но даже в своем времени Державин стар. С одной стороны, основание этому дает его реальная биография: прожил 73 года; самые ранние свои поэтические опыты (целый сундук с рукописями) вынужден был в 1770 г. сжечь, чтобы не останавливаться в карантине; первое анонимно напечатанное произведение – 1773 г.; с 1779 г. Державин, по его собственным словам, «избрал <...> совершенно особый путь, руководствуясь наставлениями Батте и советами друзей моих, Н.А. Львова, В.В. Капниста и Хемницера»²⁹, т.е. начался собственно «Державин»; литературная же слава пришла к нему только после опубликования «Фелицы» в 1782 г. – в 39 лет.

С другой стороны, мотив старости в образе Державина акцентируется до такой степени,

что становится главной характеристикой героя, еще и из-за включенности его в некую систему культурных мифов, актуальных для второй половины XX в. Антитезу образу поэта-патриарха составляет тема Смерти Поэта – ранней смерти, причиной которой является конфликт с Властью. Основные фигуры здесь – Лермонтов, Батюшков, Грибоедов, отчасти декабристы и, конечно, Пушкин (можно было бы привести примеры из произведений Б. Окуджавы, А. Галича, В. Высоцкого, того же Городницкого и др.). Стихотворение Городницкого «Старый Пушкин» напрямую посвящено противопоставлению Пушкина, с его «мальчишеским профилем», постаревшему и остепенившемуся поэту, обобщенный образ которого складывается из биографий Тютчева, Вяземского, Языкова и Державина. Очень яркую антитезу Державина и последующей литературы создает В. Соснора: «Первый и последний олимпиец русской литературы, поэт в двадцать семь лет сжег все, что написал за всю жизнь, и, как мы видим, относился к своему творчеству совсем не снисходительно <...> Для всех последующих поколений поэтов такой поступок был невыносим ни при каких обстоятельствах. Они предпочли бы смерть собственную смерти литературной. Если бы Лермонтов в двадцать семь лет сжег свои стихи – такого поэта не существовало бы в природе. (Он ведь тогда почти не публиковался.) <...> Державин единственный из русских поэтов относился достаточно хладнокровно к своему творчеству. Он не принадлежал еще к тому типу художника, который появился в девятнадцатом веке и утвердился в искусстве»³⁰.

Еще в большей степени образ Державина в массовом сознании (да и во многом в элитарной культуре) вписан в «пушкинский текст», одним из запоминающихся с детства фрагментов которого является мифологизированная история лицейского экзамена: «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил»³¹. В стихотворении «Матюшкин» жизненный путь главного героя сравнивается с судьбами других лицейцев, самым известным из которых был, конечно, Пушкин. Державин тоже выступает как действующее лицо эпизода из биографии Пушкина: «За стол багряного сукна / Не приглашал его (Матюшкина. – В.Б.) Державин». В «Доме на Фонтанке» пушкинские ассоциации вызывает набор деталей в процитированной выше зарисовке выезда (ср. в «Евгении Онегине»: «Уж темно: в санки он садится. / “Пади, пади!” – раздался крик; / Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник»³²).

Мифологизированный сюжет «благословения» поэтом-патриархом поэта юного и мотив «передачи лиры» являются сквозными и в непозитических текстах А. Городницкого. Например, рассказывая или отвечая на вопросы о себе (неотъемлемая часть культуры концертов авторской песни), Городницкий неоднократно говорил, что «работает стариком Державиным», имея в виду

свое участие в жюри многочисленных бардовских конкурсов.

То же находим в книгах воспоминаний. Лейтмотивами, формирующими систему оценок в рассказе о современниках, проходят темы поэтического ученичества (в главах, посвященных Д. Самойлову и Б. Слуцкому), «лицейской» дружбы (о сложившемся еще в школьные годы дружеском кружке Н. Эйдельмана, в который в 1970 г. вошел и А. Городницкий), «пушкинско-моцартовского»³³ отношения к жизни и творчеству (в образах Самойлова и Эйдельмана). Например: «Всю свою жизнь Давид Самойлов как магнит притягивал к себе поэтическую молодежь. У него было много учеников, однако все они пишут иначе. Его моцартовский легкий стиль никто из них перенять не сумел. Может быть, именно об этом думал он еще в молодости, когда написал в стихотворении “Старик Державин” пророческие строчки: Был старик Державин льстец и скаред, / И в чинах, но разумом велик. / Знал, что лиры запросто не дарят. / Вот какой Державин был старик!» (465).

Цитаты из стихотворения «Старик Державин» встречаются в главе о Самойлове еще дважды. Один раз – тоже в «пушкинском» контексте: «Не менее важным параметром, связывающим напрямую поэзию Самойлова с пушкинской, можно считать то постоянное ощущение улыбки, которое присутствует у Самойлова даже в самых серьезных стихах <...>: “По ночам бродил в своей мурмолочке, замерзал и бормотал, – нет, сволочи! Пусть пылится лучше – не отдам”» (461). Наверное, можно было бы поспорить о «пушкинском» в приводимой цитате, но «державинское» в ней присутствует: подчеркнуто грубоватый юмор, «низкая» лексика, при серьезной, в общем-то, теме (учитывая военный сюжет стихотворения и подспудно присутствующую в нем тему «простого героизма», вспоминается державинский «Снигирь»). Для этого стихотворения Самойлова вообще характерны «державинские» обилие бытовых подробностей и уплотненность вещного мира, в некоторых деталях даже частично совпадающих с «Фелицей»: «Но старик Державин воровато / Руки прятал в рукава халата <...> Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал. / Что-то молча про себя загадывал. / (Все занятие по его годам!) / По ночам бродил...»³⁴ и т.д. Вторая цитата из «Старика Державина» включена в итоговые размышления Городницкого о жизненном пути Самойлова – «прирожденного поэта и писателя», – включая и момент, когда тот «лежал со своим пулеметом под деревней Лодьва “на земле холодной и бологной”» (470). Если опять обратиться к самому стихотворению, то, хотя в качестве отправной точки его сюжета и берется утверждение «Рукоположения в поэты / Мы не знали», но потом оказывается, что именно честно выполненный долг дает право, пусть еще не осознаваемое его носителями, на звание поэта – недаром «старик Державин» не

соглашается «запросто» передать лиру «некому малому способному», не дожидаясь тех, кто «может, все убиты наповал»³⁵.

Образ Державина, державинские реминисценции, другие образы из русской истории XVIII в. появляются во многих стихах Д. Самойлова. Городницкий упоминает его стихотворную драму «Меншиков», поэму «Сон о Ганнибале» и др.

Почти точная, с сохранением архаичной формы прилагательного, но «с противоположным знаком», цитата из державинского «Снигиря» содержится в стихотворении Городницкого «Памяти Бориса Слуцкого»: «Что ж, на ветке сидящий снегирь, / Не заводишь ты песни военны?» (334) (у Державина – «Что ты заводишь песню военну, / Флейте подобно, милый Снегирь?»³⁶). Если «Фелица», с одной стороны, воспринимается как образец льстивой, конъюнктурной поэзии, а с другой – дает пример поэзии бытовых подробностей, если «Записки...» расцениваются как «компромат» поэта на самого себя, раскрывающий недостойное прислуживание и умалчивающий о служении искусству (см. В. Соснору), то «Снигирь» становится образцом высокаторжественной «государственной» и, одновременно, лично проникновенной похоронной лирики, и не для одного А. Городницкого³⁷. Эпиграф из него предваряет стихотворение Д. Самойлова «Смерть поэта»³⁸, посвященное А. Ахматовой; реминисценциями из «Снигиря» пронизано стихотворение И. Бродского «На смерть Жукова»³⁹ (1974).

Связь образов Слуцкого и Державина имеет у Городницкого автобиографическую основу. Так, он вспоминает: «Большую часть прослушанных стихов он, как будто, одобрил, но одно стихотворение – “Державин” – привело его в неопишную ярость. В стихотворении речь шла о старом Державине. Я читал (следует цитата вплоть до «Шеи старческой нетвердость / Прятал в твердый воротник». – В.В.). “Стоп, прекратить читать! – закричал неожиданно Борис Абрамович. – Это безобразные стихи. Полное неприличие”. “Почему?”, – спросил я, растерянный его внезапным гневом. “А потому, – сказал он сердито, – что Державину было всего лишь немного за пятьдесят, и у него не могло быть дряблой шеи”» (479).

Державинские ассоциации могли быть вызваны и размышлениями о судьбе героя стихотворения – поэта-фронтовика, другого «патриарха» в поэзии (он – «громовец и архистратиг», «грозный ментор поэтов безусых», «бог последний <...> с Олимпа»). Через судьбу Слуцкого раскрывается трагизм положения поэта, который, как когда-то Державин, «говорил от имени России»⁴⁰. «Уполномоченность» оборачивается «подвластностью», «веригами долга», неверием в силу своего искусства (автор не спорит с умершим, но приводит как вызывающие удивление и печально перефразированные «к случаю» знаменитые строки «Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне»⁴¹ – «Что-то лирики вымерли

все, – / То-то физики снова в почете») и, в конце концов, молчанием. Но последний мотив связан уже не с образом Державина, а с воспоминанием о судьбе другого русского поэта – К.Н. Батюшкова («Десять лет он молчал взаперти, / Словно Батюшков, впавший в безумство»).

В произведениях Городницкого 1990-х гг. образ Державина и мотивы, связанные с державинскими реминисценциями, меняются. Так, в стихотворении «Кратил» уже ему принадлежит мотив последнего молчания перед смертью, а образ поэта вписывается в контекст философского, в прямом смысле этого слова, познания жизни: «Все, что незыблемым прежде считали мы с вами, / Перед закатом меняется неотвратимо. / Выразить это почти невозможно словами, / Только рукой шевелить, уподобясь Кратилу. // Это же понял позднее Кратила Державин: / Перед доскою, что стала посмертной книгой, / Глянул на пальцы, которые грифель держали, / И замолчал, только пальцами все еще двигал» (555–556). Городницкий полно пересказывает суть спора древних философов, но при этом использует образ из последнего стихотворения Державина «Река времен...»: «Славный Кратил, оппонент Гераклита отважный, / В наши сердца поселивший тревогу и смуту, / В реку времен не войти нам не то чтобы дважды, / Но и однажды, – изменится все за минуту» (С. 556).

«Река времен...» была, действительно, последним стихотворением Державина. Вот что пишет в своем дневнике его племянница П.Н. Львова: «Мы вошли в кабинет покойного. Там все еще дышало его присутствием <...> Мы увидели аспидную доску, на которой он за два дня перед смертью (6-го июля) начал оду о быстроте времени; первая строфа была ясно написана, и он сам читал ее Семену Васильевичу. За нею следовали два стиха второй строфы, которую смерть помешала ему кончить...»⁴². Именно эту доску видел Городницкий в спецхране Публичной библиотеки, куда он попал «за широкой спиной» Н. Эйдельмана. Переоценка личности Державина произошла не просто в контексте рассматриваемого стихотворения или с течением времени – она является фактом биографии автора, зафиксированным в книге воспоминаний: «Удивительно, как меняется представление о человеке, когда видишь его автограф <...> строгий, казалось бы, склонный к порядку благополучный Державин писал, как оказалось, рваным беспокойным почерком человека, лишенного душевного покоя. Меня поразила более всего выставленная под стеклом грифельная доска с записанными его дрожащей рукой предсмертными стихами (следует целиком стихотворение Державина. – В.Б.). Какая пронзительная и пронзительная безнадежность на краю смерти! Какая противоположность его же величавому и самоуверенному “Памятнику”!» (486).

«Реку времен» можно отнести к сквозным образам в творчестве Городницкого. Например,

так называется один из альбомов, составленный на основе записи вечера истории и поэзии, проведенного совместно с Н. Эйдельманом⁴³. Опирающийся на державинскую цитату образ «реки времен» из «Кратила» получает развитие в целом ряде «водных» образов, которые, не совпадая с державинским лексически, соотносятся с ним по философскому содержанию. Наполнение и поэтика этих образов у авторов рубежа XVIII–XIX и рубежа XX–XXI вв. глубоко различны. В стихотворении Державина основной мотив – мотив забвения, исчезновения истории: «Река времен в своем стремлении / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей. / А если что и остается / Чрез звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы»⁴⁴. По своей художественной природе державинская «река времен» – аллегория. Это традиционная для философской лирики XVIII в. трактовка времени⁴⁵.

У Городницкого «река времен» – метафора, причем функции ее составляющих часто прямо противоположны тому, что было у Державина: не утекающее время сравнивается с водным потоком, а поток – со временем (например: «Река, превращенная в лед, – / Застывшего времени слиток»⁴⁶). Вместо предельно обобщенного аллегорического образа выступают совершенно конкретные реки, а место уносящего в забвение безжалостного Времени занимает История – хранилище памяти.

Это может быть история одного человека – автора, лирического героя, для которого с той или иной рекой связаны конкретные воспоминания. Вот несколько примеров из стихотворений того же 1997 г., что и «Кратил»: «Да и сам я, рожденный под знаком созвездия Рыбы, / Ощущаю в себе неизвестные прежде порывы / Умирать возвратиться к истокам покинутых рек, / Где икринкой качался за тонкой квартирною стенкой / Между Невской протокой и мутной речкой Смоленкой» («Начинается все и кончается речкой...», 1997, 540); «Меня ностальгия опять донимает, когда / Свое отражение в узком увижу канале» («Гамбург», 1997, 541); «Я хочу на самом деле, / Чтобы мы на речке Истре / Снова встретились в апреле / С тем, кто ныне улетает, / С тем, кто ныне уплывает» («Прощание с Истрой», 1997, 547) и др. Философско-лирическая мысль во всех этих произведениях та же, что в стихотворении «Кратил»: река, вполне реальная, – вот она, но человека, который хотел войти в нее «дважды», уже нет, а есть другой.

«Рекой времен» может делать обычную реку и принадлежность к большой Истории. «Исторические» «реки времен» еще в большей степени заключают в себе категорию памяти, отрицают забвение. И если лирический герой стихотворения является носителем исторической памяти, он чувствует свое одновременное (или вневременное) существование с давно ушедшим. Такое мировосприятие особенно характерно для произведений «петербургского текста» русской литературы.

Ленинградец Городницкий очень остро чувствует и «петербургский миф», в котором важное место занимает образ воды, грозившей однажды унести все достижения цивилизации⁴⁷, и сам Петербург как «текст», в котором едва ли не каждая речка и канал, едва ли не каждый стоящий на их берегах дом являются частью Истории. В поэтическом мире Городницкого многие из них обрастают дополнительными индивидуально-авторскими символическими значениями в русле «петербургского» и любого другого «городского текста»⁴⁸.

Вспомним, что посвященное Державину стихотворение называется «Дом на Фонтанке». Он появляется еще раз в стихотворении «Старый Питер» в длинном ряду сходных образов: «Воды Мойки холодной, смещаясь от Пушкина к Блоку, / Чьи дома расположены, вроде бы, неподалеку, / Протекают неспешно через Девятнадцатый век, / Мимо Новой Голландии с кладкой петровской старинной, / Мимо окон юсуповской, пахнущей смертью гостиной, / К сумасшедшему дому направив невидимый бег. // И канал Грибоедова, бывший Екатерингофский, / Где слышны сквозь столетие взрывов глухих отголоски, / Высочайшею кровью окрасив подтаявший снег, / Все петляет, ныряя под Банковский мостик и Львиный, / Между спусков гранитных, заросших коричневой тиной, / Направляясь к слиянию рек. // А Фонтанка бежит от прозрачного дома Трезини, / От решетки сквозной, на которую смотрят разини, / Убиенного Павла минуя багровый дворец, / Мимо дома Державина, сфинксов египетских мимо, / Трех веков продолжая медлительную пантомиму, / Чтоб уже за Коломной вернуться в Неву, наконец» (573–574). Так как это стихотворение из поздних, то можно предположить, что кроме сюжета прогулки лирического героя вдоль питерских рек по «трем векам» в нем подспудно присутствует и сюжет рефлексии автора о собственном творческом пути. Почти о каждом упомянутом архитектурном сооружении и историческом событии Городницким были написаны песни или стихотворения: стихотворения «Дом Пушкина» (1987), «Блок» (1985), поэма «Новая Голландия» (1962), «Романс»⁴⁹ к спектаклю по пьесе А. Толстого «Заговор императрицы» (1967), целый ряд произведений об убийстве Александра II, песни «Дворец Трезини» (1987), «Гвардейский вальсок» (1980), стихотворение «Дом на Фонтанке» (1971). Если привлекать биографический контекст, то можно вспомнить одну из самых ярких историй в книгах воспоминаний – рассказ о ночной прогулке А. Городницкого и А. Кушнера с Н. Эйдельманом, который обещал «на месте рассказать и показать, как убивали Павла I». Проведя своих друзей сначала на Фонтанку, он показал дом, где была квартира братьев Тургеневых, в которой Пушкин, «глядя на мрачный замок Святого Михаила <...> набрасывал строки оды “Вольность”» об убийстве Павла, а потом, вода их вокруг самого замка, подробно рассказывал о заговоре и убий-

стве (494–496)⁵⁰. Во второй части стихотворения «Старый Питер» мотив сосуществования времен, событий и людей в пространстве Петербурга переносится уже непосредственно на лирического героя: «В этом городе хмуром, где только по звону трамвая / отличаешь наш век, Девятнадцатый век проживая, / Припозднившись в застолье, дорогой идешь непрямой, / Мимо серых кварталов, лишенных полуденных красок, / И тебя за плечо задевает Некрасов, / Из игорного дома бредущий под утро домой» (574).

Таким образом, на примере державинских реминисценций в поэтическом творчестве и мемуарах А. Городницкого, в биографическом и, отчасти, культурном контексте видны особенности диалога поэта-барда с XVIII веком. Во-первых, он создает «образ» ушедшей эпохи: с помощью подробного портрета, внимания к реалиям, бытовым деталям, а также используя различные способы стилизации и включая цитаты. Во-вторых, XVIII век видится Городницким во многом через соотнесение с XIX, а конкретно образ Державина – в контексте «пушкинского мифа». В-третьих, в диалоге с XVIII веком он пытается поставить актуальные для себя и своего времени проблемы: Поэт и Власть, поэтическое бессмертие или забвение, историческая память. На протяжении более чем полувекового творческого пути меняется отношение Городницкого к Державину: от несколько ироничной, «лицейской» оценки «старика Державина» до ведения философского диалога о Времени. Анализ биографического контекста, мемуаров позволяет говорить, что все отмеченные выше особенности рецепции далекого прошлого характерны не для одного поэта-барда, а для той культуры второй половины XX в., важнейшей частью которой является авторская песня⁵¹.

Примечания

¹ Эта особенность отмечена как самим поэтом, так и его критиками и исследователями. См. название цикла стихотворений 1997–1999 гг. – «Уроки истории» (*Городницкий А.* Сочинения. М., 2000. С. 535–596.); название статьи критика (*Нехорошев М.* Погруженные в историю: рец. на кн.: Городницкий А. Созвездие рыбы. СПб.: Нева; Девятый вал, 1995. 152 с. 5000 экз. // Знамя. 1995. № 11. С. 224–225); характеристику Городницкого как «тонкого и глубокого историка», данную Н. Эйдельманом; статьи И.Б. Ничипорова и посвященная Городницкому глава в его же монографии, призванной, в частности, определить «творческие индивидуальности» бардов, – «Диалог культур в песенном творчестве Александра Городницкого» (*Ничипоров И.* Авторская песня в русской поэзии 1950–1970-х гг. Творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи. М., 2006. С. 199–245).

² *Городницкий А.* Сочинения. М., 2000. С. 165. Далее стихи и песни, кроме особо оговоренных случаев, цитируются по этому изданию.

- ³ Первая редакция: *Городницкий А.* И вблизи, и вдали. М. 1991.; вторая, расширенная, редакция: *Городницкий А.* След в океане. Петрозаводск, 1993. В данной статье все цитаты с указанием страниц в тексте приводятся по «Следу в океане».
- ⁴ См. темы статей в одном только сборнике: *Державин Г.* История и современность. Казань, 1993: *Сафиуллин Я.* Державин в оценке романтиков (С. 113–125); *Елизаветина Г.* Журнальные отклики 1860-х годов на публикацию «Записок» Г. Державина (С. 35–43); *Коновалова В. Я. К.* Грот как исследователь жизни и творчества Державина (С. 47–53); *Крылов В.* Державин в литературной критике «серебряного века» (С. 68–74). К последней теме см. также статью А. Зорина и приложения в: *Ходасевич В.* Державин. М., 1988.
- ⁵ *Грибоедов А.* Горе от ума. М., 1969. С. 378. Более подробный очерк истории этого выражения см.: *Державин Г.* Сочинения: в 9 т. / с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 2. СПб, 1865. С. 192–194.
- ⁶ *Грибоедов А.* Горе от ума. С. 25. Курсив Грибоедова.
- ⁷ Там же. С. 111.
- ⁸ Там же. С. 118.
- ⁹ *Городницкий А.* Атланты. СПб., 2005. С. 462.
- ¹⁰ *Державин Г.* Сочинения. Т. 2. С. 190.
- ¹¹ Там же. С. 192.
- ¹² Например, из объявления Н.М. Карамзина об издании «Московского журнала»: «Первый наш поэт – нужно ли именовать его? – обещал украшать листья мои плодами вдохновенной своей музыки. Кто не узнает певца мудрой Фелицы?» (Цит. по: *Лотман Ю.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 197).
- ¹³ У того же Карамзина: «Минерва торжествуй, / Сказал я, без меня!» (Аонида, или собрание разных новых стихотворений. М., 1796. Кн. 1. С. 220; комментарии см.: *Карамзин Н.* Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1966. С. 391–392).
- ¹⁴ *Державин Г.* Сочинения. Т. 1. СПб, 1864. С. 129, 149.
- ¹⁵ *Кушнер А.* Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л., 1991. С. 458–459.
- ¹⁶ *Кушнер А.* «Всесильный бог деталей...» // Там же. С. 372–377.
- ¹⁷ *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. М., 1973. С. 88. Эту книгу *Городницкий* считает «бесценным вкладом в поэзию и литературоведение», потому что написана она поэтом, глубоко изучавшим и стремящимся показать «огромные, еще не использованные богатства классической русской поэзии» (*Городницкий А.* След в океане. С. 465). Раздел о Державине в ней – один из самых эмоциональных и образных.
- ¹⁸ *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. С. 89.
- ¹⁹ См.: *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. С. 84–85. О державинской рифме см. также: *Западов В.* Державин и русская рифма XVIII в. // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 54–91.
- ²⁰ *Державин Г.* Сочинения. Т. 2. С. 246.
- ²¹ *Соснора В.* Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий. Л., 1986. *Городницкий* знает и ценит историческую прозу В. Сосноры. «Державин до Державина» он нигде не упоминает, а написанная в том же году (1968) и опубликованная в том же сборнике (1986) «Спасительница отечества» вызвала отклик в виде песни «Петр III» (1989) (см.: *Городницкий А.* Сочинения. С. 634).
- ²² «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина».
- ²³ *Соснора В.* Властители и судьбы. С. 47. Произведения Сосноры – проза поэта. В частности, он использует в качестве дополнительного выразительного средства абзацное членение текста, которое мы здесь обозначаем знаком «/».
- ²⁴ *Городницкий А.* Новая Голландия: 2-я книга стихотворений. Л., 1971.
- ²⁵ *Городницкий А.* Сочинения. С. 618.
- ²⁶ *Пушкин А.* Полн. собр. соч.: в 10 т. 3-е изд. М. 1965. Т. 10. С. 148.
- ²⁷ *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. С. 91.
- ²⁸ *Окуджав Б.* Чаепитие на Арбате. М., 1998. С. 319.
- ²⁹ Цит. по: *Грот Я.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 184.
- ³⁰ *Соснора В.* Властители и судьбы. С. 47.
- ³¹ Мифологизированную природу восприятия этого события и саму структуру этого мифа хорошо раскрыл Ю.М. Лотман: «Встреча Пушкина с Державиным не имела в реальности того условно-символического (и уж, конечно, тем более, театрального) характера, который невольно ей приписываем мы, глядя назад и зная, что в лицейской зале в этот день встретились величайший русский поэт XVIII в., которому осталось лишь полтора года жизни, и самый великий из русских поэтов вообще. Державин несколько раз до этого уже “передавал” свою лиру молодым поэтам; «Для юноши (Пушкина. – В.Б.), воспринимавшего рыцарскую культуру сквозь призму иронических поэм Вольтера, Ариосто и Тассо, такое “рукоположение” неизбежно выступало в двойном свете: торжественном и даже патетическом, с одной стороны, и пародийно-буффонадном – с другой, причем насмешка и пафос не отменяли, а оттеняли друг друга»; «Сам Пушкин описал позже эту встречу, соединяя юмор с лиризмом» (*Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 1997. С. 40–41).
- ³² *Пушкин А.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 15.
- ³³ О значении моцартовской темы в контексте эпохи второй половины XX в. см.: *Белая Г.* Моцарт в неволе // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой междунар. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения Булата Окуджавы. 19–21 ноября 1999 г., Переделкино. М., 2001. С. 34–38.
- ³⁴ *Самойлов Д.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 56.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Державин П.* Сочинения. Т. 2. С. 344.
- ³⁷ Возможно, скрытая аллюзия на «Снигирия» содержится и в стихотворении «Багрицкий» (1965). В первой и последней строфах создается образ молодого поэта, для которого вся история, героика и трагедия пока только в творчестве: «Восемнадцатилетний Багрицкий стихи о Суворове пишет, / В Одессе, на Ремесленной улице, на

- краю Мировой войны» (С. 105). Стихотворение Багрицкого «Суворов» написано в традициях державинского «Снигиря» (См.: *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы. 2-е изд. М.; Л., 1964. С. 231–233).
- ³⁸ *Самойлов Д.* Избранные произведения. Т. 1. С. 148–149.
- ³⁹ *Бродский И.* Сочинения: в 7 т. СПб., 1997. Т. 3. С. 73.
- ⁴⁰ *Слуцкий Б.* Память. Стихи 1944–1968. М., 1969. С. 95. Эти слова вынесены в эпиграф главы о Слуцком в книге воспоминаний, и размышлениями на эту тему глава заканчивается.
- ⁴¹ *Слуцкий Б.* Память. Стихи 1944–1968. С. 195.
- ⁴² Цит. по: *Грот Я.* Жизнь Державина. С. 656.
- ⁴³ *Городницкий А., Эйдельман Н.* Река времен: Вечер в музее А.И. Герцена 11 января 1982 г., г. Москва. СПб., 1982. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM).
- ⁴⁴ *Державин Г.* Сочинения. Т. 3. СПб., 1866. С. 235–236.
- ⁴⁵ Считается, что сам образ был навеян висевшей в кабинете Державина картой Ф. Штрасса в переводе с нем. А. Варенцова «Река времен, или эмблематическое изображение всемирной истории» (см.: *Державин Г.* Сочинения. Т. 3. С. 235). Но совпадает здесь только словесная формула. Карта Штрасса – схема, а не аллегория, к тому же задача ее – фиксация исторических событий в их последовательности и соотношении – прямо противоположна пафосу державинского стихотворения. Из ближайшего контекста русской литературы можно вспомнить, например, «Оснадцатое столетие» А.Н. Радищева: «Урна времен часы изливает каплям подобно: / Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли / И на дальнейшем берегу изливают пенные волны / Вечности в море, а там нет ни предел, ни берегов <...> Веки в него протекли, в нем исчезает их след» (*Радищев А.* Полн. собр. стихотв. Л., 1940. С. 138).
- ⁴⁶ *Городницкий А.* Весна. URL: <http://gorodnit.progressor.ru/text.pag?id=413> (дата обращения: 13.03.2010). Загл. с экрана.
- ⁴⁷ См.: *Лотман Ю.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220.
- ⁴⁸ Например, распространенным жанром городского фольклора являются толкования того, куда направлен взгляд статуи, какие здания стоят рядом, куда выходят окна того или иного дома. Яркий пример использования этой традиции – песня Городницкого «Дворец Трезини», в которой «Полдюжины окон – на запад, / Полдюжины – на восток» становятся символом исторического и культурного пути России после Петра I.
- ⁴⁹ В сборнике «Атланты» – «Романс Феликса Юсупова» (С. 132).
- ⁵⁰ Считаю свой долгом выразить благодарность В.С. Парсамову, обратившему мое внимание на «особый колорит» этого события в контексте советской культуры рубежа 70–80-х гг., что позволяет объяснить столь острое его восприятие слушателями (А. Городницким и А. Кушнером) не только искусством Эйдельмана-рассказчика. Описанная ночная прогулка произошла в июне 1981 г. В то время «история изучалась без подробностей, а цари и их окружение вообще не изучались. Убийство Павла – строка в учебнике и не более того». Эйдельман же «выступал как некая знаковая фигура, противостоящая казенному изучению истории и массовому историческому невежеству». Его вышедшая в 1982 г. книга «Грань веков», сразу же ставшая дефицитом, была для интеллигенции «единственным источником сведений об убийстве Павла и о самом Павле». Ср. характеристику, данную Н. Эйдельманом «историческому» песенному и стихотворному творчеству А. Городницкого на фоне современной им исторической науки: «Его взгляд на XVIII век не страдает той односторонностью, которой страдает подавляющее большинство книг и учебников наших по XVIII веку. А именно: про народ еще есть, а про царей уже не надо <...> мы зачастую экономическое развитие <...> социально-экономическое положение крестьянства знаем хорошо (и слава богу – это надо), но знаем, скажем, жизнь пензенского крестьянства хуже (так в записи, хотя по смыслу следует «лучше». – В.Б.), чем знаем двор Екатерины II, в то время как жизнь пензенского крестьянства все же зависела от двора Екатерины II – это несомненно <...> Историки этот перекокс <...> лениво ликвидируют. Но поэты – более рьяно. У них, так сказать, другой взгляд на вещи» (*Эйдельман Н.* Комментарии // *Городницкий А., Эйдельман Н.* Река времен: Вечер в музее А.И. Герцена 11 января 1982 г., г. Москва. СПб., 1982. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM)).
- ⁵¹ В последнем сборнике произведений Городницкого (*Городницкий А.* Легенда о доме: Избранные стихотворения и песни. СПб., 2010) опубликовано еще четыре стихотворения, содержащих державинские реминисценции. В двух из них: «Комаровское кладбище» (1985, 114–116) и «Памятник» (1988, 146–147), полемически перефразирована цитата из «Памятника» «Так! – весь я не умру; но часть меня большая, / От тлена убежав, по смерти станет жить». Два других: «Державинская лира» (2004, 235–236) и «Тебе, Жуковский, лиру отдаю...» (2007, 263), интересны, в частности, разрушением пушкинско-державинского мифа с мотивом передачи лиры.